

ОСКОЛОК НАДЕЖДЫ

Сергей Звонарёв

Сергей Звонарёв

Осколок "Надежды"

Серия «Иллюзия порядка», книга 3

<https://litres.ru/73923744>

SelfPub; 2026

Аннотация

По многочисленным просьбам читателей, публикую черновик продолжения. Ещё не дописан, но уже можно вернуться к полюбившимся героям.

Её называли "Негасимая надежда". Она неслась к резиденции Короля, начинённая взрывчаткой. Её сбили. Уцелел лишь осколок.

На осколке — шифр. Он приведёт героев к секте, которую похоронили двадцать лет назад. Но мёртвые умеют ждать.

У Короля есть только этот осколок и двое оперативников, которым он доверяет. Они — его хрупкая надежда разобраться и устранить заговор, пустивший корни внутри королевской семьи.

Потому что предатель может оказаться тем, кого Король обнимал на ночь. А единственный настоящий след ведёт к "Острову" — месту, где умирают последние иллюзии. И где "Негасимая надежда" обретает своё истинное имя: приговор.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Сад «Расходящихся троп»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Звонарёв

Осколок "Надежды"

Пролог

Земля не была домом. Она была колыбелью. Той самой точкой отсчёта, от которой когда-то разлетелись по галактике первые корабли, унося с собой запах её трав, тяжесть её гравитации и иллюзию, что всё остальное — лишь бледные копии.

Сергей Зум никогда не был на Земле. Он родился на небольшой аграрной планете в системе Тау Кита, где небо по ночам было усыпано настоящими звёздами — не голографической проекцией, а живыми, далёкими солнцами. Где воздух пах сухой травой и навозом, а отец вставал затемно, чтобы проверить агроботов и свои поля. Потом была полицейская академия в той же звёздной системе — серые корпуса, уставные маршировки, первые выстрелы по мишеням. А после — назначение на Орион-Репейр-7, ржавый спутник, где небо напоминало выцветший экран, а воздух пах сваркой, машинным маслом и безысходностью. Земля для него была картинкой из учебников с изумительного цвета закатами и не передаваемым голубого оттенка небом, легендой, символом, который вызывал уважение, но не трепет. До се-

годняшнего дня.

Глава 1. Сад «Расходящихся троп»

Флайтер — маленький, юркий, без опознавательных знаков — вынырнул из облаков над холмистой местностью. И первое, что почувствовал Сергей, увидев внизу бескрайний зелёный сад, были лёгкое головокружение и странная, необъяснимая тоска. Словно какая-то древняя, генетическая память вдруг ожила и зашептала: ты здесь. Наконец-то.

— Сердце Федерации, — сказал Йорк, не отрываясь от приборов. — Как тебе?

— Слишком зелено, — ответил Сергей, хотя на самом деле зелень была правильной. Живой. Не синтезированной.

— Привыкнешь. Или нет. Что-то мне подсказывает, что у нас не будет времени привыкать.

Флайтер бесшумно опустился на идеально круглую посадочную плиту, замаскированную под изумрудную траву. Рядом, в нескольких шагах от неё, начиналась настоящая лужайка. Двигатели стихли, и тишина навалилась такой плотной, что Сергей на секунду замер, проверяя, не заложило ли уши. Потом открылся люк, и в лицо ударил тёплый, влажный воздух, пахнувший жасмином, мёдом и чем-то неуловимо древним — тем самым запахом, который, наверное, чувствовали первые люди, вышедшие из саванны.

Сергей шагнул на за границы плиты. Земля мягко пружинила под подошвами.

Но самым ошеломляющим оказалось солнце.

Оно висело низко, заливая всё вокруг густым, янтарным светом. Сергей поднял лицо навстречу лучам — и на секунду зажмурился. Свет был не таким, как на станциях, не искусственным, не фильтрованным через бронестекло в рубке корабля. Он был живым. Он проникал сквозь веки, оставляя на внутренней стороне тёплые, оранжевые пятна. Он грел кожу — не ровным, безликим теплом обогревателя, а пульсирующим, меняющимся, заставляющим кровь двигаться быстрее.

Сергей протянул руку ладонью вверх. Луч упал на кожу, и он почувствовал разницу. Это было похоже на то, как если бы он всю жизнь пил синтезированный чай, а теперь впервые попробовал настоящий, заваренный на родниковой воде.

Он стоял, впитывая тепло, чувствуя, как оно растекается по плечам, по шее, по закрытым векам. Воздух, насыщенный влагой и цветением, казалось, тоже светился изнутри. Всё здесь — каждый лист, каждая травинка, каждая пылинка в луче — было настоящим. Не голограммой, не симуляцией, не проекцией для отработки тактики.

— Климатические установки, — голос Йорка прозвучал глухо, будто он не хотел разрушать иллюзию, но считал своим долгом. — Удерживают двадцать два градуса, семьдесят процентов влажности, бриз с северо-запада. Идеальная весна. Никаких неожиданностей.

Сергей открыл глаза, повернулся к нему. Йорк стоял, не поднимая лица к солнцу, глядя прямо перед собой — на до-

рожку, на дом, на цель. Он словно был нечувствителен к этому свету, к этому теплу. Или, может быть, наоборот — слишком чувствителен, поэтому научился не замечать.

— Но солнце, — продолжил Йорк, и его голос смягчился на полтона, — самое настоящее. Спектр G2V, как в учебниках. То же самое, что светит на Старую Землю с момента зарождения на ней жизни. Оно не подчиняется установкам. Оно просто есть.

Он сделал паузу, и Сергей поймал себя на мысли, что командир сейчас смотрит не на дом, а куда-то вверх, в сторону светила.

— Наслаждайся, пока можешь, — тихо добавил Йорк. — Здесь это единственное, что не подделано.

И двинулся вперёд.

Сергей сделал глубокий вдох, чувствуя, как жасминовый воздух наполняет лёгкие, и шагнул следом. Солнце продолжало греть спину, и это было так непривычно, так правильно, что у него на секунду закружилась голова.

Настоящее Солнце, — подумал он. — Я стою под настоящим Солнцем.

И эта простая, детская мысль оказалась тяжелее любого боевого приказа.

Йорк ничего не ответил. Он уже шёл по дорожке к небольшому, почти скромному дому, видневшемуся в паре сотен метров метрах. Сергей догнал его, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в груди тяжестью момента.

Внизу, насколько хватало глаз, расстился настоящий сад, деревья, растущие из земли, лужайки, по которым ветер гнал живые волны травы, извилистые дорожки из светлого камня. Где-то вдалеке блеснула гладь пруда, с небольшим пирсом уходящего не несколько метров над водой.

— Похоже на открытку, — сказал Сергей.

— На ловушку, — поправил Йорк — Здесь каждый холмик — броневая плита. Каждое дерево — антенна. И это только предпоследнее кольцо. Но да, эстетика — высший пилотаж.

Они шли медленно. Слишком медленно для людей, привыкших бегать. Но здесь, в этом саду, бег был бы оскорблением. Или признанием вины.

Сергей поймал себя на том, что смотрит на Йорка — командир шёл с идеальной осанкой, но без военной выпрямленности. Он словно врос в этот пейзаж, хотя Сергей знал... Нет, не знал в привычном смысле — не читал в досье, не слышал из его уст. Он чувствовал. Тонкую, почти невидимую вибрацию неприязни, которая исходила от Йорка, стоило ступить на эту планету. Будто земля под ногами была для него не живой, а раскалённой. Будто тот самый настоящий воздух, которым Сергей сейчас наслаждался, для Йорка был отравлен.

Сергей не спрашивал. В их мире вопросы о прошлом бы-

ли роскошью, которую никто не мог себе позволить. Но за месяцы общей работы он научился читать Джона без слов. По напряжению желваков, по микроскопической задержке дыхания, по тому, как он ставил ногу — чуть жёстче, чем на любой другой поверхности.

Он ненавидит эту планету, — понял тогда Сергей. И это понимание пришло не как вывод, а как физическое ощущение — холодок вдоль позвоночника, когда они впервые вышли из челнока в космопорте «Нью-Арк».

Почему? Он не знал. Может быть, Йорк потерял здесь кого-то. Может быть, его предали. Может быть, сама гравитация Земли казалась ему цепями. Но что-то — боль, отвращение, страх, застывший в ненависть, — плескалось в глубине его спокойных глаз каждый раз, когда он смотрел на горизонт.

Сергей научился не замечать этого. Но сейчас, в этом саду, среди жасмина и птичьих трелей, эта невидимая вибрация стала гуще. Осязаемое. Он чувствовал её затылком, как чувствуют приближение грозы.

Слишком многое здесь напоминало о том, чего у него никогда не было, — подумал Сергей, и эта мысль не была умоглядной. Она была плотной, как камень, который Йорк нес в груди.

Дом. Семья. Трава под босыми ногами. Детский смех в этом саду. Всё то, что делает человека человеком — у Йорка, наверное, было отнято. Или он сам отнял. Или никогда не

давали.

Сергей не знал. Но он чувствовал эту пустоту за спиной командира — такую же реальную, как тень, отбрасываемая солнцем на дорожку.

— Здесь можно забыть, зачем мы пришли, — тихо сказал Сергей, чтобы разорвать тишину.

Йорк не обернулся, но Сергей заметил, как дрогнули его плечи — на долю секунды, на выдохе. Как будто он только что вынырнул из глубины, куда его утянули собственные мысли.

— Затем и создано, — ответил он ровно. Это не сад. Это анестезия. Чтобы враги расслаблялись. Чтобы друзья чувствовали себя в безопасности. Чтобы сам Король иногда верил, что всё нормально.

— А ты?

— Я никогда не расслабляюсь.

Они пошли дальше. И Сергей больше не смотрел на Йорка. Он смотрел на дорожку, на розы, на небо. Но внутри, где-то под рёбрами, остался холодок — чужой, не его. Тот самый, который Йорк носил в себе так долго, что он стал частью его дыхания.

Потому что быть рядом с человеком, который несёт такую пустоту, — тяжело. Даже если ты готов носить её вместе.

Дорожка была выложена из светлого, почти белого камня, отполированного веками (или, скорее, где-то в мастерских) до гладкости, но не скользкого — подошвы ботинок цепля-

лись за микрорельеф с идеальным сцеплением. По краям, ровной стеной, стояли кусты роз — не те карликовые, генномодифицированные, что продавали в горшках в колониях, а настоящие, живые, с шипами, с бархатными лепестками, с запахом, который висел в воздухе плотным, сладким шлейфом.

Ветер, тёплый и ленивый, тянул с севера, шевеля листву где-то в глубине сада. Сергей слышал, как шуршат листья — не синтезированный белый шум в наушниках, а настоящий, живой шелест, с неровными ритмами, с внезапными всплесками, когда порыв становился сильнее. Где-то вдалеке, за домом, чирикали птицы. Настоящие. Сергей не видел их раньше иначе как на картинках.

Они прошли мимо пруда — небольшого, но ухоженного, с тёмной, спокойной водой, в которой отражались облака. Сергей заметил, как в воде мелькнула рыба. Крупная, с красно-оранжевой чешуей.

— Почему Лизы нет с нами? — Сергей задал вопрос, который терзал его с моменты вылета, но все никак не подворачивался момент.

Йорк сделал несколько шагов в молчании, прежде чем ответить.

— Я отправил её на задание. Одиночный сбор данных в секторе Цефея-9. Таможенная станция на окраине, через которую, по нашим данным, идут финансовые и информационные потоки вызывавшие наш интерес. Кто-то должен был

сидеть в засаде, слушать, записывать, не отвечать.

— Одну? — Сергей почувствовал, как внутри шевельнулось беспокойство.

— Она справится, — Йорк сказал это твёрдо, но в его голосе на секунду проскользнуло что-то, похожее на... нет, не сомнение. Скорее, усталость от ответственности. — У Лизы есть то, чего нет у нас с тобой.

— Что?

— Способность быть невидимой. Не прятаться — быть. Растворяться. Она может сидеть в баре три дня, и никто не запомнит её лица. Это талант. А нам здесь нужны были лица. Твоё — новое, незамыленное. Моё — известное, но необходимое для разговора с Королём.

Он помолчал, потом добавил:

— Кроме того, она хотела попробовать себя в автономке. Сказала, что устала быть на побегушках. Я дал ей шанс.

Сергей кивнул, хотя внутри всё сжалось. Он вспомнил, как Лиза смотрела на него перед отлётом — спокойно, без паники, но с какой-то странной, застывшей решимостью. Они не прощались. В их мире прощания были плохой приметой.

— Она будет на связи?

— Если понадобится. Но в режиме радиомолчания — большую часть времени. Сектор шумный, а её легенда не предполагает частых сеансов.

— Ты веришь, что она найдёт след?

— Я верю, что она умнее любого следа, — Йорк усмехнулся краем губ. — А теперь хватит о Лизе. Мы пришли за другим.

Они свернули на аллею, обсаженную низкими, стриженными кустами самшита — Сергей узнал запах, потому что когда-то, в академии, у инструктора был освежитель воздуха с этим ароматом. Тогда он казался приторным. Здесь, вживую, он был терпким, горьковатым, живым.

Солнце переместилось, и теперь лучи падали под другим углом, высвечивая мелкие капли росы на траве — хотя время было далеко не утреннее. Системы увлажнения, понял Сергей. Они создают иллюзию утра в любое время суток. Всё здесь было иллюзией. Кроме камней под ногами, кроме ветра в листве, кроме самого солнца, которое он чувствовал спиной — тяжёлое, тёплое, бесконечно далёкое и пугающе реальное.

Он подумал о Лизе. Там, в секторе Цефея-9, сейчас, наверное, глубокая ночь или вообще другой отсчёт времени. Она сидит в каком-нибудь зале ожидания, смотрит на чужие лица, слушает чужие разговоры, ждёт сигнала. Одна. Без прикрытия. Без связи.

Сергей отогнал эту мысль. Йорк прав: здесь и сейчас есть работа. И он должен сделать её идеально.

Они вышли на открытую лужайку перед домом.

Трава здесь была короткая, изумрудная, с мелким разнотравьем, которое Сергей не мог определить — он не ботаник.

Но цветы среди зелени пестрели яркими пятнами: синие, жёлтые, белые. Над ними кружились насекомые — не дроны, настоящие, живые, с прозрачными крыльями и неустанным жужжанием.

Дом стоял в двух сотнях метров от посадочной площадки. Он не был замком. Не был дворцом. Простое, одноэтажное строение из светлого камня и тёмного дерева, с широкими окнами, за которыми угадывались комнаты, с крышей, на которой местами рос мох — специальный? Или настоящий? Сергей не знал.

Но чем ближе они подходили, тем больше деталей открывалось.

Стены были сложены из крупных, грубо обработанных известняковых блоков — тёплого, медового оттенка, с вкраплениями ракушек, которые поблёскивали на солнце. Камни подгоняли друг к другу без видимого раствора, будто кладка росла сама собой. Такая работа стоила бешеных денег — не из-за материалов, а из-за времени и ручного труда, которого давно не осталось в Федерации.

Дерево, использованное для оконных рам, дверных наличников и угловых стоек, было тёмным, почти чёрным, с глубокой, бархатистой текстурой. Дуб, сразу понял Сергей. Настоящий, выросший где-то на Земле, а не синтезированный в биореакторе.

Крыша. Простая, двускатная, крытая глиняной красноватого оттенка черепицей, а не листами термопласта. На ней

действительно рос мох — живой, зелёный, с маленькими, похожими на звёздочки, соцветиями. Ветер шевелил его, и он казался мягким, как бархат.

Под крышей — небольшой, почти незаметный слуховой люк. Стекло — старое, с пузырьками внутри, с лёгкой, едва заметной рябью. Такое не делают на станциях. Такое выдувают вручную, и каждая панель — единственная.

Дорожка, выложенная тем же светлым известняком, упиралась в невысокое крыльцо — три ступени, ограждение из кованого железа с тиснёным растительным узором. Над крыльцом висел старый фонарь на цепи — не светодиодный, не плазменный, а настоящий, с масляной лампой внутри. Сергей не поверил своим глазам. Потом заметил тонкую, почти невидимую антенну на его верхушке и понял: масло — бутафория, внутри обычный световой элемент. Но форма. Форма была настоящей.

У дома не было никаких пристроек, никаких гаражей, никаких вышек охраны. Только зелёная лужайка, кусты роз и старые, развесистые дубы. Один из них, тот, под которым стоял стол, был особенно огромным — толщиной в три обхвата, с корой, изрезанной трещинами как карта неизведанных земель.

Сергей посмотрел на дом ещё раз. Дом смотрел на него в ответ — спокойно, без высокомерия. Он не пытался впечатлить. Он просто был. И в этой простоте чувствовалась сила, которую не купишь за деньги Федерации.

— Так живёт тот, кто правит галактикой? — спросил он тихо.

— Так живёт тот, кто хочет, чтобы все думали, что он — такой же, как все, — ответил Йорк. — Истинная власть не в этой лужайке. Она за сто километров отсюда. В Большом Административном Корпусе. Там — Министерства, обитель КРС, рабочий кабинет Короля. Буквально пять минут на подземном экспрессе в вакуумном туннеле — и ты из этого сада переносишься в самое сердце Федерации. А здесь — фасад. Очень дорогой. Очень продуманный. Очень красивый и уютный. Смертельно опасный, если забытьяся.

— Ты был там? В Корпусе?

— Однажды. Когда меня принимали в КРС. С тех пор — только здесь. Король предпочитает этот сад для личных разговоров. Говорит, что под открытым небом легче дышится.

Небо сегодня было высоким, с редкими перистыми облаками, похожими на размытые мазки акварелью. Красиво. Слишком красиво. И вдруг — как сильный порыв ветра в лицо заставляющий щуриться и отворачиваться, вспомнилась другая Земля. Та, которую он видел пять часов назад с орбиты.

Он смотрел в иллюминатор яхты, и впервые за долгое время у него перехватило дыхание.

Планета внизу была не просто красивой. Она была живой. Голубые океаны, зелёные пятна континентов, белые спирали циклонов — всё это двигалось, дышало, существовало по

своим, нечеловеческим законам.

И посреди этого великолепия, на поверхности одного из материков, зияла рана.

Он видел её даже с орбиты. Огромное, оплавленное, неестественно гладкое пятно — как будто кто-то гигантским утюгом прогладил континент, превратив его в стекло и пепел. ЦТАЭС. Катастрофа пятисотлетней давности. Миллиарды погибших. Континент, вычеркнутый из жизни.

— Ты смотришь на могильник, — тихо сказал тогда Йорк, подходя к иллюминатору. — Самое большое кладбище в галактике. Тридцать процентов поверхности Земли до сих пор непригодны для жизни.

— Мы садимся в «Нью-Арке». Космопорт для дипломатов, высших чинов и тех, кто может заплатить. Никаких мелких торговцев, никакой суеты. Чисто, масштабно, серьёзно. Дыши через раз.

Яхта заложила вираж, и ожог ЦТАЭС исчез за горизонтом.

Вершившись из воспоминаний, Сергей ещё раз посмотрел на небо. Слишком красиво. Как декорация к фильму о рае.

— Мне тоже так кажется, — сказал он.

— Что?

— Что это декорация.

— Это не декорация, — Йорк остановился, повернулся к Сергею. — Это оружие. Самое страшное оружие, которое создала Федерация. Им нельзя выстрелить. Им можно толь-

ко... дышать. Смотреть. Чувствовать. А потом, когда ты расслабился, когда поверил, что мир прекрасен и безопасен, — тебя убивают.

Он сделал паузу, и в этой паузе Сергей услышал не угрозу — предупреждение.

— И убьют не враги, Зум. Те, для кого ты работаешь. Власть Короля не прощает слабости приближённых и не помнит их заслуг. Один неверный шаг — и ты уже не нужен. Прогневал — и ты вышвырнут. Сотрут в пыль, даже не заметив. И начнётся всё не с выстрела и не с приказа. Начнётся с красивого сада. Или с красивых слов. Или с улыбки.

Он развернулся и пошёл дальше.

— Запомни это. И идём. Нас ждут.

Они приблизились к калитке в невысоком каменном заборе, который окружал дом. За ней, под раскидистым дубом, уже виднелся стол, накрытый белой скатертью. И человек, поднимающийся им навстречу.

Сергей сделал последний глубокий вдох — жасмин, мёд, мокрая трава, солнце на лице. Потом выдохнул и натянул на лицо маску спокойствия. Та, чему учили в «Кузнице». Та, которая не треснет даже под пулями.

И шагнул за Джоном за калитку.

За ней открывалась небольшая, вымощенная светлым камнем площадка. В центре, под раскидистым дубом, стоял стол — простой, деревянный, накрытый белой скатертью. На столе — фарфоровый узорный чайник, три чашки, блю-

до с фруктами: виноградом, персиками, инжиром, блюдо с выпечкой. И люди.

Король сидел во главе стола. Он поднялся, когда они приблизились, и Сергей наконец увидел его вблизи.

Никакой короны, никакой мантии. Обычный тёмно-синий пиджак, белая рубашка без галстука, простые брюки. Лет пятидесяти. Короткая, аккуратно подстриженная седая борода, тёмные, с едва заметной проседью короткие волосы. Лицо с чёткими, немного острыми чертами — не красивое в обычном смысле, но запоминающееся. В нём чувствовалась порода. Та самая, которая не покупается и не наследуется автоматически — её нужно прожить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.